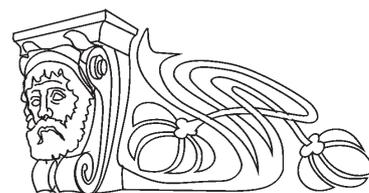

УДК 340.1

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Н. В. Тюменева

Тюменева Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tumeneva82@mail.ru

Введение. Усложнение объектов правового воздействия, обогащение теории за счет приращения новых знаний из неюридических сфер ставят вопрос, во-первых, о демаркации юридического знания в системе гуманитарных наук, во-вторых, о повышении требований к точности объектно-предметной области и методологии правовых исследований, в-третьих, о формализации правовых явлений в юридической практике, наконец, об оценке результатов исследований с точки зрения их практической полезности, социальной востребованности. Эти вопросы невозможно решить без применения критериев научности юридического знания. Цель работы состоит в выявлении комплекса научных критериев, необходимых и пригодных для стандартизации юридического знания. **Теоретический анализ.** Необходимо сформировать систему дисциплинарных научных критериев в юриспруденции как инструмент оценки юридического знания, которое обладает рядом особенностей (в частности, государственно-правовые явления представляют собой сложные уникальные системы, при анализе которых обязательно учитываются политические и исторические факторы, мировоззренческие предпочтения исследователя, выбор методологии исследования и прочее, и это увеличивает субъективный момент в их оценке). Данное обстоятельство не всегда позволяет единообразно применять универсальные критерии для стандартизации юридического знания. **Выводы.** Проблема установления границ формализации и материализации государственно-правовых явлений решается с помощью применения комплекса критериев научности, позволяющих, во-первых, констатировать научную значимость объектов познания, во-вторых, вывести правовые феномены из абстракции (сферы неявного знания) в объектно-предметную область и придать им категориальный статус.

Ключевые слова: дисциплинарные критерии научности, юридическая наука, объектно-предметная область, методология.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-343-348

Введение

Юридическая наука выражает определенное знание в границах конкретной объектно-предметной области. Применение научных стандартов позволяет не просто исключать то, что не доступно непосредственной эмпирической проверке, а, напротив, осознанно, рационально контролируемо и, значит, более эффективно использовать различные допущения, предположения, образующие массив первичного знания (предположения, гипотезы, идеи и проч.). Та-

кой анализ устанавливает сферу использования предположений, определяет, в какой момент следование тем или иным из них превращается из условия, обеспечивающего прогрессивное развитие научного знания, в фактор, его тормозящий. Именно критерии научности придают концептуальную завершенность и нормативную определенность любым юридическим конструкциям путем систематизации и структурирования разнообразного фактического материала. Подобная формализация ведет к установлению правовых, аксиологических, социально-гуманитарных границ юридической науки.

Цель работы состоит в выявлении комплекса критериев научности, необходимых и пригодных для стандартизации юридического знания.

Теоретический анализ

Любая система знаний тяготеет к своему эталону научности, поскольку качество знания и его практическая приложимость определяется наличием обязательных научных критериев (стандартов), фиксирующих все важнейшие свойства результатов исследовательского труда.

Критерии научности – это правила оценки продуктов познания на их соответствие стандартам науки; они позволяют субординировать знание с позиций близости (отдаленности) его от науки; это фундаментальные теоретико-методологические принципы, нормы, ценности, идеалы, эталоны, обуславливающие определенность оснований, по которым пробное знание (корпус идей: гипотезы, концепции, теории) и деятельность (корпус актов: мышление, теоретизация, концептуализация) расцениваются как научные и зачисляются в раздел науки [1, с. 23], т.е. они задают гносеологическую возможность знания быть именно научным знанием.

С функциональной точки зрения речь идет о том, что наличие стандартов оценки юридического знания в конечном счете повышает эффективность правового регулирования, совершенствует юридическую практику. Ведь право не должно регулировать некую идеальную сферу жизни, оставляя реальную в своем прежнем неизменном качестве. Напротив, потребности социально-экономического развития будут отражены в законе только после того, как они осознаны и сформулированы в виде политиче-

ских требований государства. Для того чтобы управлять процессом функционирования социального бытия, существующие общественные отношения необходимо «стандартизировать» в области юриспруденции соответствующими категориями, адекватными социальной реальности (например, такими как правоотношение, правопорядок, правовой режим, юридическая ответственность, механизм правового регулирования и т.д.). Особенно это актуально в отношении новых юридических явлений (например, таких как правовой мир, правовая реальность, правовая жизнь и др.), категориальный статус которых только предстоит обосновать. И первый шаг в этом направлении необходимо сделать с их оценки на предмет научности, иначе они будут псевдонаучными правовыми химерами [2, с. 4].

Еще в начале прошлого столетия осознавалась необходимость обозначения научных критериев именно юридической науки. «Юриспруденция еще не выработала своих аксиом, своих бесспорных положений не только не давая руководящей нити для практики, но идя позади ее <...>. Стоит только вспомнить бесконечные пререкания по самым азбучным вопросам..., чтобы представить, насколько юриспруденция далека от точности, того именно свойства, которое только и делает науку наукой в строгом, истинном значении этого слова» [3, с. 4].

Ситуация принципиально не изменилась и сегодня [4, с. 31–33]. Ученые продолжают «ломать копья», полемизируя по поводу сущностных проблем государство- и правопонимания, не говоря уже об иных вопросах, например, понятия и содержания юридической ответственности, значения и понимания правоприменения в право-реализационном процессе, структуре и юридическом содержании правоотношений и проч.

Если вопрос стандартизации юридического знания в советский период был актуален [5, с. 89], то в современный период, когда разрабатываются многочисленные теории государство- и правопонимания, используются разнообразные методы научного познания (не только диалектика, но и иные методологии: феноменология, структурализм, герменевтика и др.), решение данного вопроса остро необходимо. А в условиях хаоса, по сути, кризиса методологии социологизация и политизация не только неоправданно размывают и расширяют границы юридического знания [6, с. 15], но и могут свести юриспруденцию всего лишь к эмпирической деятельности [7, с. 1013, 1015] описательно-комментаторского значения [8,

с. 14]. Для того чтобы система юридического знания сохраняла свою самостоятельность в качестве отрасли науки, необходимы критерии (стандарты) научности, преимущественно дисциплинарные.

Дисциплинарные критерии предъявляются к профессионально (предметно и методически) расчлененным отраслям знания, например, требования для логико-математических, естественных, общественных, технических наук, отдельных родов знания, конкретных теорий, гипотез и т.д. Эти критерии представляют собой инструмент аттестации конкретных видов знания, отражают частные параметры науки [1, с. 25–26].

Функциональная роль дисциплинарных критериев в юриспруденции проявляется в том, что они обозначают границы правовой объективации исследуемого явления в качестве системы; показывают, как идентифицировать его и отличить от других правовых образований и как оно, это явление, применяется в действительности, на практике. Таким образом, практическая значимость критериев сводится, во-первых, к отбору единиц знания на базе имеющихся фильтров предпочтения [1, с. 26], а во-вторых, к охране правового знания от непригодных, несостоятельных идей.

Поскольку сугубо дисциплинарных критериев, отражающих частные параметры юридической науки, представляющие собой инструмент аттестации юридического знания, до сих пор не выработано, а имеющиеся аксиомы в правовой науке не решают поставленной проблемы, поскольку сами требуют правового осмысления [9, с. 3], то для решения проблемы дисциплинарных критериев юридического знания предлагается или обратиться к философии, или ««заимствовать» критерии естественных и математических наук» [10, с. 21–22].

Что касается заимствования научных стандартов точных наук, то такая постановка вопроса не нова. Еще в советскую эпоху в теории права ставились вопросы о целесообразности переноса научных стандартов, обычно «работающих» в отношении точных и естественных наук, в плоскость гуманитарного знания, в частности, юриспруденцию, а также об определении специфики их применения в отношении предмета социального познания [11, с. 15].

В связи с приращением знания из неюридических сфер, которое в настоящее время сохранило и значительно приумножило тенденцию к росту, по сравнению с предыдущим столетием, подход к проблеме изменился. У ряда авторов

суждение о необходимости применения критериев точных наук в юриспруденции уже не вызывает сомнения [12, с. 3–4]. Проблема для них заключается в другом: насколько эффективным будет использование параметров точных наук в области гуманитарного знания, смогут ли научные критерии занять такое же место, сыграть ту же функциональную роль в теории государства и права, какую они играют в математике и физике? Истории науки известны примеры, когда некритическая обработка средств естественно-математического познания породила сильнейшую ответную реакцию, выразившуюся в противопоставлении гуманитарного знания «точному».

Резонность постановки подобных вопросов обусловлена имеющимися сложностями формализованного описания правовых явлений, во многом близких к общим трудностям применения математики в социальных науках [13, с. 60]. Проблема заключается в том, что основой социально-гуманитарного знания являются не количественные параметры, а качественная характеристика неповторимых, уникальных социальных явлений, таких как правовое государство, гражданское общество, суверенитет, демократия, правовая система, правосознание, правоотношение, права и свободы человека и т.д. Так, например, далеко не всегда возможно однозначно и четко определить связь между количеством гарантированных прав и качеством жизненного уровня населения [14, с. 68]. Именно поэтому в плоскости права социальные законы не действуют с математической точностью, а проявляют себя в виде тенденции, предрасположенности определенных событий, процессов к определенному результату [10, с. 53].

С другой стороны, социально-гуманитарное знание, в систему которого входит и юриспруденция, в противоположность естествознанию, характеризуется значительно большим числом «извращений» в духе идеологии экономически и политически господствующих классов [15, с. 157]. Поэтому содержание правовых теорий не сводится целиком ни к науке, ни к идеологии и является сложным их конгломератом [16, с. 22].

Таким образом, в гуманитарной науке осмысление выработанных человечеством смысловых структур осуществляется на основе мотивационно-чувственного понимания, а не понятийно-рационального, как в точных науках. Н. Н. Тарасов это обстоятельство относит к «слабым» местам методологических проблем юриспруденции [8, с. 15], порождающих определенные ограни-

чения в возможностях формулирования точных требований к юридическому знанию [8, с. 17–18]. Это еще раз свидетельствует о том, что юристам нельзя без всякой обработки воспринимать идеи, выводы, категории, методы неюридических наук; механическое их перенесение ведет к ошибкам в познании права [17, с. 15].

Важнейшая особенность, которая должна учитываться при формулировании дисциплинарных научных критериев, – это специфика объекта правовой теории. В. А. Шабалин справедливо отмечает, что объект познания не только невозможно вычленивать из целостной структуры общества, но и трудно элиминировать от познающей деятельности субъекта [18, с. 47], поэтому предметом познания выступает объект, отраженный в сознании субъекта.

Это означает, что юриспруденция имеет дело со сложными «человекомерными» единицами, заметно увеличивающими удельный вес субъективного момента в науке. Не случайно проблемы правопонимания, типологии государства и права, их сущности были и остаются ареной острой идеологической борьбы – науки с политикой, материализма с идеализмом. Как следствие – снижение степени объективации научно-гуманитарного знания и преобладание личностно-оценочных характеристик.

С другой стороны, богатство содержания социальных объектов, по сравнению с физическими и математическими, не позволяет в полной мере осуществлять их интеллектуальную контролируемость и регистрируемость. Правовые явления – обычно сложные, динамические, многослойные системы с разветвленной структурой, не позволяющей установить их качественную однородность, чтобы обнаружить сравнимое количественное разнообразие [19, с. 100].

Этим отчасти объясняется то, что право, например, не имеет своей «единицы измерения», т.е. такого номинального (идеального, эталонного) объекта, который был бы достаточно прост, чтобы быть описанным математически, а с другой стороны – достаточно богат, чтобы охватить всю систему социальных отношений. Даже правовая норма, которую принято считать «первичной клеточкой права», не всегда может выступать «единицей измерения» правовых явлений. Обусловлено это тем, что содержание юридического предписания разнообразно, а взаимосвязь структурных элементов нормы права гораздо многослойнее, чем в большинстве математических объектов.

Структурирование и содержание элементов системы любого правового явления детермини-

ровано господствующей правовой парадигмой. Современная ситуация сложна тем, что наука в целом переживает кризис, связанный со сменной картиной мира, научного мировоззрения: классические принципы уже не действуют, а алгоритм постклассических еще не внедрен в правовую науку [20, с. 137]. Это спровоцировало ситуацию, когда объект познания до конца не ясен: или это реальная общественная жизнь, опосредованная законами, действующими в юридической практике, или это отвлеченное правопонимание, которое еще никогда не было однозначным. А это, в свою очередь, затрудняет выработку системы дисциплинарных критериев научности. Поэтому юриспруденция использует систему универсальных параметров оценки научного знания, выработанную в философии науки.

Прежде чем анализировать специфику применения универсальных критериев научности в юриспруденции, отметим, что их использование не снимает и не отменяет проблемы разработки собственно юридических (дисциплинарных) эталонов научности. Напротив, анализ правового знания только на уровне философской методологии недостаточен и чрезмерно абстрактен для выявления специфики правовых явлений, поскольку философия науки содержит в себе не знания о государстве и праве, а знание об их знании, точнее, о формах, типах этого знания.

Выводы

Критерии научности, выступающие частью методологии науки, стандартизируют юридическое знание в рамках заданной объектно-предметной области. Вместе с тем сугубо дисциплинарных критериев в самой юридической науке не выработано, что негативно отражается на качестве юридического знания. В частности, отсутствие дисциплинарных критериев юридического знания затрудняет демаркацию юридического знания в системе гуманитарных наук, затрудняет выработку и оформление нового знания, формирование понятийного аппарата юридической науки.

Список литературы

1. Ильин В. В. Критерии научности знания. М. : Высш. шк., 1989. 128 с.
2. Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Изв. вузов. Правоведение. 2004. № 1. С. 4–14.
3. Потапов С. М. Научные основы права. Т. 1 : Формула права как явление действительности. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1908. 76 с.
4. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 264 с.
5. Козлов В. А. Проблема предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 120 с.
6. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
7. Веденеев Ю. А. Юриспруденция : конец или начало? // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI, № 9. С. 1009–1022.
8. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 42 с.
9. Масленников А. В. Правовые аксиомы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 24 с.
10. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М. : Юстициформ, 2000. 528 с.
11. Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М. : Мысль, 1984. 207 с.
12. Короновский А. А., Трубецков Д. И. Нелинейная динамика в действии : Как идеи нелинейной динамики проникают в экологию, экономику и социальные науки. Саратов : Колледж, 2002. 324 с.
13. Орлов Д. В. Интеграционный процесс и отдельные аспекты влияния нейронауки на развитие и формирование современного уголовного права // Право и политика. 2017. № 2. С. 60–66.
14. Тюменева Н. В. Научные критерии изучения права на жизнь // Философия права. 2008. № 1. С. 65–70.
15. Кедров Б. М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М. : Мысль, 1985. 543 с.
16. Зорькин В. Д. Соотношение идеологического и познавательного аспектов буржуазной юриспруденции // Право и борьба идей в современном мире. Критика буржуазных современных концепций права : материалы науч. конф. (Москва, 24–26 декабря 1979 г.). М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 20–25.
17. Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка» : теоретико-методологический аспект. Саратов : Изд-во СГАП, 2001. 348 с.
18. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 226 с.
19. Тюменева Н. В. Логические основания права (к постановке вопроса) // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России за 2006 г. / под ред. И. Ф. Амельчакова, Р. Б. Осокина, А. А. Сафонова. Вып. 10. Тамбов : Изд-во Р. В. Першина, 2007. С. 91–107.
20. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Изв. вузов. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153.

Образец для цитирования:

Тюменева Н. В. Критерии научности юридического знания и практика их применения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 343–348. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-343-348

Criteria of Scientific Character of Legal Knowledge and Practice of Their Application

N. V. Tumeneva

Natalia V. Tumeneva, ORCID 0000-0002-1227-6923, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, tumeneva82@mail.ru

Introduction. The complexity of the objects of legal influence, the enrichment of the theory due to the increment of new knowledge from non-legal spheres raise the question, firstly, about the demarcation of legal knowledge in the Humanities, secondly, about increasing the requirements for the accuracy of the object-subject area and the methodology of legal research, thirdly, about the formalization of legal phenomena in legal practice, finally, about the evaluation of the results of the research, in terms of their practical utility, social relevance. These issues cannot be solved without the application of scientific criteria of legal knowledge. The purpose is to identify a set of scientific criteria necessary and suitable for the standardization of legal knowledge. **Theoretical analysis.** It is necessary to form a system of disciplinary scientific criteria in law as a tool for assessing legal knowledge, which has a number of features (in particular, state-legal phenomena are complex unique systems, the analysis of which necessarily takes into account political and historical factors, worldview preferences of the researcher, the choice of research methodology, etc., and this increases the subjective moment in their assessment). This fact does not always allow uniform application of universal criteria for the standardization of legal knowledge. **Conclusions.** The problem of establishing the boundaries of the formalization and materialization of the state-legal phenomena is solved by applying a set of criteria of scientific character, allowing, first, to state the scientific significance of the objects of knowledge, and secondly, to withdraw the legal phenomena of abstraction (the sphere of tacit knowledge) into an object-subject area and give them a categorical status.

Key words: disciplinary criteria of science, legal science, object-subject area, methodology.

References

1. Ил'ин В. В. *Критерии научности знания* [Criteria of scientific knowledge]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 128 p. (in Russian).
2. Hohlov E. B. Legal chimeras as a problem of modern Russian legal science. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie], 2004, no. 1, pp. 4–14 (in Russian).
3. Potapov S. M. *Nauchnye osnovy prava. T. 1. Formula prava kak iavlenie deistvitel'nosti* [Scientific basis of law. Vol. 1. Formula of law as a phenomenon of reality]. St. Petersburg: Print house of A. S. Suvorin. 76 p. (in Russian).
4. Tarasov N. N. *Metodologicheskie problemy iuridicheskoi nauki* [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg: Humanity University Press, 2001. 264 p. (in Russian).
5. Kozlov V. A. *Problema predmeta i metodologii obshchei teorii prava* [The problem of the subject and methodology of the general theory of law]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1989. 120 p. (in Russian).
6. Cherdancev A. F. Integrative misunderstanding of law. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 10, pp. 5–15 (in Russian).
7. Vedenev Yu. A. Law: the end or the beginning? *Lex Russica*, 2014, vol. XCVI, no. 9, pp. 1009–1022 (in Russian).
8. Tarasov N. N. *Metodologicheskie problemy sovremenno go pravovedeniya* [Methodological problems of modern jurisprudence]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2002. 42 p. (in Russian).
9. Maslennikov A. V. *Pravovye aksiomy* [Legal axioms]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Vladimir, 2006. 24 p. (in Russian).
10. Syryh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava: v 2 t. T. 1. Elementnyi sostav* [Logical foundations of a general theory of law: in 2 vol. Vol. 1. The elemental composition]. Moscow: Yustitsinform, 2000. 528 p. (in Russian).
11. Ruzavin G. I. *Matematizatsiya nauchnogo znaniya* [Mathematization of scientific knowledge]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 207 p. (in Russian).
12. Koronovskij A. A., Trubeckov D. I. *Nelineinaya dinamika v deistvii: Kak idei nelineinoy dinamiki pronikaut v ekologiyu, ekonomiku i social'nye nauki* [Nonlinear dynamics in action: How the ideas of nonlinear dynamics penetrate into the ecology, economy and social sciences]. Saratov: College Publ., 2002. 324 p. (in Russian).
13. Orlov D. V. The process of integration and some aspects of the influence of the influence of neuroscience on the development and formation of modern criminal law. *Pravo i politika* [Law and politics], 2017, no. 2, pp. 60–66 (in Russian).
14. Tumeneva N. V. Scientific criteria exploring the right to life. *Filosofiya prava* [Philosophy of law], 2008, no. 1, pp. 65–70 (in Russian).
15. Kedrov B. M. *Klassifikatsiya nauk. Prognoz K. Marksa o nauke buduschego* [Classification of sciences. The

- prognosis of K. Marx about the science of the future]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 543 p. (in Russian).
16. Zor'kin V. D. The Ratio of the ideological and educational aspects of bourgeois law. In: *Pravo i bor'ba idey v sovremennom mire. Kritika burzhuznykh sovremennykh kontsepciy prava* [Law and the struggle of ideas in the modern world. Critique of modern bourgeois concepts of law: materials sci. conf. (Moscow, 24–26 December 1979)]. Moscow: The Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences Publ., 1980, pp. 20–25 (in Russian).
 17. Lisjutkin A. B. *Juridicheskoe znachenie kategorii «oshibka»: teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Legal significance of the category “error”: theoretical-methodological aspect]. Saratov: SGAP Publ., 2001. 348 p. (in Russian).
 18. Shabalin V. A. *Metodologicheskie voprosy pravovedeniya* [Methodological questions of jurisprudence]. Saratov: Saratov University Press, 1972. 226 p. (in Russian).
 19. Tumeneva N. V. Logical foundations of law (to question statement). *Trudy Tambovskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii za 2006 g.* [Proceedings of Tambov branch of the Moscow University of MIA of Russia for 2006. Ed. by I. F. Amelchakov, R. B. Osokin, A. A. Safonov. Iss. 10]. Tambov: R. V. Pershin's Publ., 2007, pp. 91–107 (in Russian).
 20. Razuvaev N. V. Contemporary theory of law in search of a post-classical paradigm of cognition. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], 2014, no. № 5 (316), pp. 136–153 (in Russian).

Cite this article as:

Tumeneva N. V. Criteria of Scientific Character of Legal Knowledge and Practice of Their Application. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 343–348 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-343-348
